

УДК 327.8

РОЛЬ SOFT POWER В ФОРМИРОВАНИИ УСЛОВИЙ РЕАЛИЗАЦИИ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»

Бочаров Алексей Васильевич,

Уральский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
при Президенте РФ,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: alexboc@bk.ru

Аннотация

Характеризуется генезис понятия «мягкая сила» в трудах Дж. Ная и других авторов, проиллюстрирован производный характер «умной силы» (smart power) от soft power. На основе эмпирического и теоретического материала структурно рассмотрены основные элементы soft power (культура, дипломатия, политическая идеология) в отношении с тем значением, которое они имеют в формировании условий реализации «цветных революций». Изложен возможный тренд модификации феномена soft power в network power («сетевая сила»). Использованы актуальные литературные источники.

Ключевые понятия:

soft power, «мягкая сила», smart power, network power, цветные революции, Арабская весна, Евромайдан.

Широко эксплуатируемый в научном и публицистическом дискурсах концепт soft power насчитывает без малого три десятилетия (впервые употреблён Дж. Наем в 1990 г. в труде «Bond to Lead: The Changing Nature of American Power»). В более поздних работах Най, раскрывая социетальный феномен soft power, отмечал, что «страна может получить желаемые результаты в мировой политике, когда другие страны хотят следовать за ней, восхищаясь её ценностями, подражая её примеру, стремясь к её уровню процветания и открытости» [13, р. 14].

В новейших американских источниках встречается новое понятие – smart power (умная сила). Его, например, использует в мемуарах о своей дипломатической службе Х. Клинтон (государственный секретарь США в 2009–2013 гг.),

которая, ссылаясь на авторство Джозефа Ная из Гарварда, Сюзанну Носсел из Human Rights Watch и некоторых других, писала: «Для меня умная сила означала выбор правильной комбинации инструментов – дипломатической, экономической, военной, политической, правовой и культурной – в каждой ситуации» [11, р. 33]. Приведённое наполнение дефиниции smart power лишь подтверждает, что понятие «умная сила» является производным, вторичным к базовому понятию soft power, поскольку все перечисленные ее составляющие идентичны «мягкой силе», за исключением двух – экономического и военного компонентов.

В данной статье попытаемся раскрыть роль soft power в формировании условий для реализации такого феномена, который обозначается в современном политическом дискурсе понятием «цветные революции».

Именно США считаются вдохновителями феномена «цветных революций», которые в XXI веке особенно ярко проявились на постсоветском пространстве, в странах Северной Африки и Ближнего Востока. В политической науке остаётся нерешенным и глубоко дискуссионным вопрос о том, какова роль soft power в реализации стратегий и тактик «цветных революций». Точнее говоря, насколько инерционный, естественный (не случайно, Дж. Най сравнил soft power с погодой) – или, напротив, манипулятивный и целенаправленный характер имеет влияние soft power на процесс зарождения, течения «цветных революций»? Каково значение «мягкой силы» в нарастании революционной динамики по сравнению с другими факторами?

В поиске ответа на указанные вопросы следует структурно рассмотреть инструментарий soft power, определяя, какие его элементы могут иметь значение для формирования условий реализации «цветных революций».

Культура и спорт

Концепт soft power активно применяется для «осмысления глобальных процессов маркетизации и медиатизации общественной жизни, изучения таких знаковых феноменов современности, как общество массового потребления, консюмеризм, массовая культура» [7, с. 180]. Среди инструментов «мягкой силы» большое значение придается культуре и спорту. В то же время, признание влияния культуры и спорта на политическую жизнь общества закономерно приводит к усилению процесса их политизации, вплоть до их использования в качестве инструментов политического давления. Примерами тому могут служить: бойкот Летней Олимпиады в Москве в 1980 г., провокационные акции ЛГБТ на Зимних Олимпийских играх в Сочи в 2014 г., присуждение победы на «Евровидении» в 2016 г. представительнице Украины за композицию о депортации крымских татар, попытки «прокинуть репутацию ФИФА до Чемпионата мира по футболу 2018 г. в России» [12].

В ходе подготовки «цветных революций» существенное внимание уделяется культурным факторам, оказывающим воздействие на массовое сознание. В данном случае первостепенное символическое значение имеют те произведения культуры, которые несут субверсивный смысловой заряд, пропагандируют идеи сопротивления и освобождения, являются вполне доступными для массового эмоционального восприятия. Речь идёт, прежде всего, о музыке, которая

«способна обеспечить мобилизацию, подарить людям ощущение единства и сплочённости без длинных объяснений, напрямую апеллируя к их чувствам» [9, с. 269]. Авангардом выступает рок, пришедший на постсоветское пространство с Запада, символизирующий протест и стремление к запретной свободе. Так, обе украинские революции («оранжевая» 2003 г. и Евромайдан 2013–2014 гг.) «самым тесным образом связаны с рок-музыкой. Политические акции выглядели синтезом собственно митингов и рок-фестивалей. И ещё вопрос, кто сделал для мобилизации общества больше: политики своими выступлениями или рок-группы своими песнями» [9, с. 270].

То, что именно сфера массовой культуры является передовой площадкой, на которой soft power борется за продвижение протестных идей, подтверждается зеркальными мерами, которые предпринимает государственная власть, опасаясь реализации в отношении себя сценариев «цветных революций». Так, вскоре после «оранжевой революции» на Украине, в 2005 г., руководство Российской Федерации разработало и приступило к имплементации «целой антиреволюционной доктрины», включавшей в себя формирование лояльности «самых популярных российских рок-музыкантов – чтобы завербовать» [4, с. 125].

Говоря о культурных предпосылках «цветных революций», следует отдельно упомянуть фактор феминизации, т. е., распространения в обществе идей гендерного равноправия (как правило, за счёт усиления социальной роли женщин). Повсеместная распространённость популярных образов современной западной культуры превращает их в образцы моды, стиля жизни, эталоны повседневного поведения, привлекательные в других частях мира.

В преддверии событий «Арабской весны» североамериканские идеологи в контактах со странами Магриба и «ал-Машрика» настойчиво продвигали принципы всеобщего женского образования. Для убедительности в выступлениях перед местной студенческой аудиторией цитировался египетский писатель Ибрагим М. Хафиз («Мать – это школа. Сделайте ее авторитетной, и вы укрепите великую нацию»). Обнадёживающе провозглашалось, что, невзирая на ограниченные возможности женщин публично участвовать в жизни ультраконсервативного арабского общества, «нет ничего ограниченного в их интеллекте, энергии и любознательности» [11, р. 354–355]. В социуме многовековой и тотальной рестрикции женских свобод подобные увещевания имели закономерно благодарный отклик. Вслед за преодолением табу на демократизацию роли женщины происходила эрозия других запретов (например, на протестные выступления и на вообще массовое давление на власть).

В культурную компоненту «мягкой силы» входит также уровень «диджитализации» общества в той стране, которая столкнулась с реальной или потенциальной угрозой «цветной революции». Наличие современных коммуникационных гаджетов и доступа в Интернет, возможности постоянного общения в социальных сетях – это и символы-соблазны «мягкой силы», и средства для её проникновения в политику (в нашем случае – для влияния на массовую революционную динамику). «Бурное развитие информационных технологий породило новую волну обольщения – обольщение интерактивностью, персональной вовлечённостью в производство информационного продукта, собственной значимостью в Интернет-пространстве» [7, с. 182]. В опыте последних «цветных революций» социальные медиа (особенно Facebook и Twitter) выполняли

координирующую и мобилизующую функции, создавали видимость того, что за радикальную смену власти выступает большинство общества [8, с. 249–272].

Таким образом, говоря о роли культуры как инструменте soft power, применяемом в процессе осуществления «цветных революций», по сути, речь идет о том, что «культура бросает вызов политической власти» [9, с. 270].

Дипломатия

Дипломатия – важный компонент «мягкой силы». В отличие от инструментария культуры, распространение привлекательных образов которой имеет лавинообразный характер и подвержено многочисленным флуктуациям, внешняя политика в парадигме soft power гораздо более управляема со стороны государственных акторов.

Автор данной работы полагает, что дипломатический инструментарий soft power в значительном объёме (во всяком случае, на теоретическом уровне) синонимичен понятию «вовлечение». Апологет soft power Дж. Най назвал это «открытым и плюралистическим способом осуществления внешней политики» США, «позволяющей другим иметь голос и способствовать нашей мягкой власти. Влияние американского превосходства смягчается, когда оно воплощается в сети многосторонних учреждений, которые позволяют другим участвовать в принятии решений и действуют как своего рода мировая конституция...» [13, р. 17].

Вместе с тем, в июле 2015 г., представляя очередную «Глобальный рейтинг мягкой силы» (ежегодное ранжирование 30 стран по уровню soft power), Най, отмечая её возрастающую роль в наступившую эпоху глобальной информатизации, тем не менее, констатировал недостаток рационализации в применении soft power со стороны правительств, которые «должны сначала понять ресурсы, которые они могут развернуть, и определить, где они могут быть эффективными». «До сих пор это слишком часто зависело от угадывания и интуиции с небольшим шансом для стран сравнить ресурсы или возможности, не говоря уже о результативности» [14, р. 7].

В российской политической науке ёмкое определение diplomatic soft power дано О. Ф. Русаковой: это – «дипломатическая репутация страны, показатели эффективности дипломатических усилий в сфере переговорного процесса, степень миролюбия, способность к предотвращению агрессии и нейтрализации угроз, способность к установлению глобальной повестки дня» [6, с. 121]. В формировании условий свершения «цветных революций» особое значение принадлежит публичной дипломатии, которую в интересующем нас контексте следует понимать и как взаимодействие внешнеполитических властей государства-источника soft power с оппозиционными и гражданскими структурами страны, переживающей предреволюционную ситуацию. Подобные мероприятия открыто практикует Государственный департамент США: активистам и диссидентам при участии руководителей Twitter, Facebook, Microsoft и Skype прививаются компетенции по организации массового протеста, защите анонимности и конфиденциальности в Интернете, преодолению запретов и ограничений властей на интерактивную сетевую коммуникацию [11, р. 545].

При анализе дипломатических возможностей soft power нужно обратить внимание на доминирующую предвзятость в оценках того, насколько значитель-

на внешнеполитическая «организующая» составляющая «цветных революций». В российском медийном и политологическом дискурсах преобладает подход, который образно воплощён в пропагандистском меме: «печенья от Виктории Нуланд» (бывший помощник Госсекретаря США, раздававшая угощения участникам Евромайдана в Киеве в феврале 2014 г.).

Существует точка зрения, что отечественные исследователи, публицисты и журналисты склонны преувеличивать значимость иностранных акторов в инспирировании «цветных революций» [1, с. 62]. В ряде работ можно встретить следующие высказывания: «Московские конспирологи <...> пришли к выводу, что... революции вокруг границ России, грузинская, украинская... – результат антиросийского заговора» [4, с. 132]; «Роль главного закорючника революций и мировой нестабильности отводится США», где в специальных научных центрах якобы разрабатываются чудовищные проекты, вплоть до модификации наркотических средств, провоцирующих общество на «цветные революции» [8, с. 31, 37].

Возможно, некоторое увлечение конспирологией реально существует. В этой связи отметим, что данная интенция, в свете концепции Дж. Голдстоуна, может рассматриваться как ошибочная, поскольку упускает из вида то, что фактор внешнего влияния – это один из пяти элементов, которые приводят к «неустойчивому социальному равновесию», порождающему революционные катаклизмы [3, с. 35].

«Мягкая сила» политических ценностей

Отдельного внимания заслуживают политические ценности как компоненты soft power, которые содержат притягательную мощь справедливого общественного устройства, борьбы за практическое воплощение гражданских свобод.

Технологии «цветных революций», как правило, используются политическими силами, позиционирующими себя в качестве борцов с авторитарными и полуавторитарными режимами. Данные режимы, как отмечает В. Иноземцев, характеризуются следующими чертами: зарегулированное, фактически цензурируемое медийное пространство; избирательная система, переполненная процедурными нагромождениями, которые нацелены на максимальное подавление политического участия и делают невозможной легитимную смену власти [5]. В качестве альтернативы предлагается притягательная политическая модель, обнадёживающая шансом на справедливость, честные выборы и другие формы реальной коммуникации с властью, общественный контроль над ней, а также – на высокие социальные стандарты, приоритет прав и свобод человека, гендерную эгалитарность, прозрачные условия предпринимательства.

Лидеры «цветных революций», соблюдая каноны «мягкой силы», действуют по правилам политического оболъщения, с нарочитой персонализацией и гуманизацией своих образов, соответствуя новым ценностям, каковыми являются доверительность, доступность, искренность, личное обаяние, демократизм [7, с. 182–183].

Следует заметить, что политическая непоследовательность и нерешительное сопротивление властей процессу развертывания «цветной революции», в ходе которой «мягкая сила» применяется в качестве «соблазна» быстрого

вхождения страны в ряды «цивилизованных государств», в значительной степени способствует ускорению революционной динамики. Наглядным примером тому могут служить действия украинского президента В. Ф. Януковича, который в начале 2014 г. внезапно приостановил готовившееся с 2007 г. подписание Соглашения об ассоциации с Европейским союзом. Это незамедлительно вызвало увеличение масштаба протестных шествий и митингов («За Европейскую Украину!») в столице, завершившихся провокационными насильственными действиями (применение огнестрельного оружия против участников Евромайдана и спецподразделения МВД Украины «Беркут») и захватом власти в феврале 2014 г.

Таким образом, целый ряд инструментов «мягкой силы» сегодня используется в целях макрополитического конструирования политических трансформаций под названием «цветные революции». Продвигаемые в ходе подготовки данных революций западные культурные идеалы и политические образцы служат идейной и инструментальной основой стихийного и организованного массового протеста. Ответные меры государств по противодействию «цветным революциям» являются дополнительным подтверждением действенной силы инструментов *soft power*.

В настоящее время имеются основания прогнозировать выдвижение новых глобальных междисциплинарных феноменов в развитие концепта *soft power*. Речь идёт, например, о понятии *network power* («сетевая сила»), предложенном в 2014 г. профессором Кембриджского университета Р. Андерсоном. Он сравнивает *network power* по мощи политического воздействия с силой «городов, языков и религий». «Сила – это много всего. Это не просто «жесткая сила» числа наших авианосцев и ядерных боеголовок или даже «мягкая сила» нашего экспорта фильмов и числа иностранных студентов, которые приезжают в наши университеты, – пишет Андерсон. – Это наша «сетевая сила»: способ, которым наша взаимосвязь позволяет нам влиять на других, действовать по своему усмотрению и удерживать их от действий, вредных для наших интересов» [10]. Отечественные учёные уже проявляют интерес к *network power* как политологическому явлению [2], отображающему влияние современного государства на международной арене.

---

1. Бочаров А.В. Трансформация понятия государственного суверенитета в современной политической науке и практике // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития. Научно-практическая конференция с международным участием. Екатеринбург. 24 ноября 2016 г. – Сб. статей. – Екатеринбург: УИУ РАНХиГС, 2016. С. 61–63.

2. Буев М. Россия игнорирует «социальные сети» // Ведомости. 09.07.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2017/07/10/717240-rossiya-ignoriguet> (дата обращения: 15.07.2017).

3. Голдстоун Джек А. Революции. Очень краткое введение / пер. с англ. А. Яковлева. – М.: Изд-во Института Гайдара. 2015. – 192 с.

4. Зыгарь М. Вся кремлёвская рать: Краткая история современной России. М.: Интеллектуальная литература. 2016. – 408 с.

5. Иноземцев В. Мы просто не умеем их готовить // Газета.Ру. 06.06.2017 URL: https://www.gazeta.ru/column/vladislav_inozemcev/10708517.shtml (дата обращения: 11.07.2017).

6. Русакова О.Ф. Дискурс soft power во внешней политике // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 32. С. 118–121.
7. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2010. № 10. С. 173–192.
8. Соловей В.Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. М.: Эксмо. 2015. – 320 с.
9. Соловей В.Д. Революция! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М.: Эксмо. 2016. – 320 с.
10. Anderson R. Privacy versus Government Surveillance: Where Network Effects Meet Public Choice // 13th Annual Workshop on the Economics of Information Security Pennsylvania State University. June 23–24. 2014. URL: <http://www.econinfosec.org/archive/weis2014/papers/Anderson-WEIS2014.pdf> (дата обращения: 18.12.2016).
11. Clinton H.R. Hard Choices // New York: Simon & Schuster. 2014. – 635 p.
12. Madsen W. The West's Soft Power Cultural Aggression // Strategic Culture Foundation. 17.05.2016. URL: <https://www.strategic-culture.org/news/2016/05/17/the-west-soft-power-cultural-aggression.html> (дата обращения: 10.06.2017).
13. Nye Josef S. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone // Oxford: Oxford University Press, 2002. – 222 p.
14. The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power // Portland PR Limited. 2015. 53 p.

References

1. Bocharov A.V. Transformaciya ponyatiya gosudarstvennogo suvereniteta v sovremennoj politicheskoj nauke i praktike // Gosudarstvo, politika, socium: vyzovy i strategicheskie priority razvitiya. Nauchno-prakticheskaya konferenciya s mezhdunarodnym uchastiem. Ekaterinburg. 24 noyabrya 2016 g. – Sb. statej. – Ekaterinburg: UIU RANXiGS, 2016. S. 61–63.
2. Buev M. Rossiya ignoriruet «social'nye seti» // Vedomosti. 09.07.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2017/07/10/717240-rossiya-ignoriruet> (data obrashheniya: 15.07.2017).
3. Goldstoun Dzhek A. Revolyucii. Ochen' kratkoe vvedenie / per. s angl. A. Yakovleva. – M.: Izd-vo Instituta Gajdara. 2015. – 192 s.
4. Zygar' M. Vsyа kremlyovskaya rat': Kratkaya istoriya sovremennoj Rossii. M.: Intellektual'naya literatura. 2016. – 408 s.
5. Inozemcev V. My prosto ne umeem ix gotovit' // Gazeta.Ru. 06.06.2017 URL: https://www.gazeta.ru/column/vladislav_inozemcev/10708517.shtml (data obrashheniya: 11.07.2017).
6. Rusakova O.F. Diskurs soft power vo vneshnej politike // Vestnik YuUrGU. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki. 2012. № 32. S. 118–121.
7. Rusakova O.F. Konzept «myagkoj» sily (soft power) v sovremennoj politicheskoj filosofii // Nauchnyj ezhegodnik IFiP UrO RAN. 2010. № 10. S. 173–192.
8. Solovej V.D. Absolyutnoe oruzhie. Osnovy psixologicheskoy vojny i mediamanipulirovaniya. M.: E'ksmo. 2015. – 320 s.

9. Solovej V.D. *Revolyution! Osnovy revolyucionnoj bor'by v sovremennuyu e'poxu*. M.: E'ksmo. 2016. – 320 s.
  10. Anderson R. *Privacy versus Government Surveillance: Where Network Effects Meet Public Choice // 13th Annual Workshop on the Economics of Information Security Pennsylvania State University*. June 23–24. 2014. URL: <http://www.econinfosec.org/archive/weis2014/papers/Anderson-WEIS2014.pdf> (data obrashheniya: 18.12.2016).
  11. Clinton H.R. *Hard Choices // New York: Simon & Schuster*. 2014. – 635 p.
  12. Madsen W. *The West's Soft Power Cultural Aggression // Strategic Culture Foundation*. 17.05.2016. URL: <https://www.strategic-culture.org/news/2016/05/17/the-west-soft-power-cultural-aggression.html> (data obrashheniya: 10.06.2017).
  13. Nye Josef S. *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone // Oxford: Oxford University Press*, 2002. – 222 p.
  14. *The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power // Portland PR Limited*. 2015. 53 p.
-

UDC 327.8

THE ROLE OF SOFT POWER IN SHAPING THE CONDITIONS FOR THE IMPLEMENTATION OF «COLOR REVOLUTIONS»

Bocharov Alexey Vasilevich,

Ural Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Postgraduate,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: alexboc@bk.ru

Annotation

The article describes the evolution of the concept of “soft power” in the writings of John Nye and of other authors, shows the derived nature of phenomenon of “smart power”. Empirical and theoretical material has become the basis for a structural review of the key elements of soft power (culture, diplomacy, political ideology) in relation to the importance that they have in shaping the conditions for the implementation of “color revolutions”. It presents a possible trend modifications of the phenomenon of soft power in the political “network power”. It's based on contemporary literary sources.

Key concepts:

soft power, smart power, network power, color revolutions, Arab Spring, Euromaidan.
